

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Мамедалиевой Альбины Вугаровны на тему «Конкуренция юрисдикций при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера» по специальности 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность темы диссертационного исследования Мамедалиевой А.В. прямо вытекает из текущей международно-правовой повестки. Как верно замечает диссертант, в современных условиях конкуренция юрисдикций обретает качественно новые формы, перерастая из разногласий сторон о выборе наиболее удобного юрисдикционного органа для рассмотрения и разрешения спора в институциональное и даже межгосударственное противостояние, опосредуемое такими инструментами, как антиисковые и анти-антиисковые запреты. Можно полностью согласиться с автором в том, что это ведет к фрагментации процессуального пространства и ставит под вопрос эффективность традиционных международных гарантий и классических форм защиты права.

Российская Федерация как объект давления со стороны недружественных государств претерпевает указанные вызовы особенно остро. Процессуальным феноменом явилось внедрение в отечественный правопорядок механизмов защиты, предусмотренных статьями 248.1 и 248.2 АПК РФ. До последнего времени отечественное процессуальное право не содержало подобных мер.

Можно поддержать диссертанта, связывающего актуальность темы с разрешением существенных проблем применения данного средства в виде терминологической неопределенности, расширительного толкования судами, а также критической асимметрией в эффективности по сравнению с обеспечительными механизмами юрисдикций общего права

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну оцениваю как высокую.

Полагаю, что диссертантом впервые в российской правовой доктрине проведен комплексный анализ изменений в рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера, который позволил сформулировать ряд теоретических положений, развивающих науку гражданского процессуального права, а также практических предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства. Диссертантом впервые на теоретическом уровне обоснована дуалистическая природа процессуальной юрисдикции, в связи с чем выдвинута и раскрыта модель компенсаторной (восстановительной) юрисдикции, раскрывающая подлинную правовую природу статей 248.1 и 248.2 АПК РФ не как классической исключительной компетенции, а как особого процессуального режима, призванного восстановить нарушенный баланс процессуальных возможностей сторон.

Диссертант начинает с того, что устраняет терминологическую неоднозначность, традиционно сопутствующую изучению мер международной ответственности (термины «санкции», «меры ограничительного характера», «ограничительные меры» и другие - с.15-16 диссертации). Проведенный диссертантом анализ понятийного аппарата следует признать достоверным. Вполне логично, что диссертант при анализе указанных проблем обращался к разработкам в сфере международного права.

Как точно замечает автор, что и предопределило актуальность исследования, в условиях применения в отношении Российской Федерации односторонних ограничительных мер негативные последствия коснулись не только экономического и финансового секторов, но и системы разрешения споров; российские физические и юридические лица столкнулись с невозможностью или существенными сложностями в участии в

рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров на территории государств-инициаторов таких мер (с.26 диссертации).

Вместе с тем, диссертант предостерегает от крайностей в применении нововведений – наряду со всемерной защитой подсанкционных лиц не менее важно исключать использование нового инструментария в спорах, которые совершенно не связаны с мерами ограничительного характера ни по субъектному, ни по предметному критериям (с.27 диссертации).

Вполне достоверным следует признать авторский анализ социально-политических и юридических событий, предшествующих принятию т.н. Закона Лугового (с.28-33 диссертации). В работе подчеркнуто, что период с 2020 года ознаменовал собой скачок от локальных симметричных мер к тотальному правовому противостоянию и формированию комплексных мер защиты национальных интересов и государственного суверенитета. Центральным элементом этой новой системы в процессуальной сфере стало появление статей 248.1 и 248.2 АПК РФ (с.96 диссертации).

Как точно подмечает диссертант, применение односторонних ограничительных мер существенно трансформировало систему разрешения споров, и ключевым проявлением данной трансформации в процессуальной сфере является формирование ярко выраженной асимметрии в реализации процессуальных прав, которая отражает ситуацию, когда формально равные перед законом участники гражданско-правового спора оказываются в фактически неравном положении с точки зрения их процессуальных прав и гарантий (с.38 диссертации). Возникающие препятствия в получении судебной защиты, имеющие как фактический, так и юридический характер, описаны диссертантом вполне объективно (с.39 диссертации и другие). Действительно, мы имеем дело с «новым типом процессуальных препятствий» (с.54 диссертации).

Как верно отмечает диссертант, конкуренция юрисдикций в современных условиях перерастает из процессуального спора о подсудности в институциональное противостояние правопорядков, основанное на

«блокирующем» законодательстве и проявляющееся в таких инструментах, как антиисковые и анти-антиисковые запреты. Традиционные механизмы координации такой конкуренции утрачивают свою эффективность, уступая место приоритетной защите юрисдикционного суверенитета. Это приводит к фрагментации процессуального пространства и требует переосмысления устоявшихся принципов международного судебного сотрудничества, поскольку частноправовой спор все чаще становится ареной для реализации публично-политических противоречий между государствами (с.80 диссертации).

Диссертант предлагает понимать под конкуренцией юрисдикций в широком смысле возможность выбора среди различных конкурентоспособных юрисдикционных органов и идентификацию на основе критерия связанности споров, а не их строгого тождества; в узком смысле конкуренция юрисдикций представляет собой параллельные разбирательства, то есть фактически реализованный выбор нескольких юрисдикционных органов, требующий строгого тождества споров и их темпоральной одновременности (с.72, 80-81 диссертации).

По нашему мнению, диссертантом верно определено целеполагание - данные нормы созданы не для идеальной правовой среды и не в рамках нее, а в условиях международного правового конфликта и противостояния юрисдикций и компетенций. Их задача – не привлечь иностранный капитал, не усилить приток иностранных инвестиций, а обеспечить минимальные процессуальные гарантии правовой защиты для своих (российских) граждан и организаций в ситуации, когда большинство иностранных юрисдикций системно нарушают их права в доступе к правосудию (с.98 диссертации).

Как верно установлено диссертантом, в российское процессуальное право оказался внедрен новый институт компенсаторной юрисдикции, под которой предложено понимать правомочие национального государственного суда установить свою исключительную компетенцию по спору в качестве субсидиарного юрисдикционного органа в случаях, когда лицо, попавшее

под экстерриториальное действие иностранных ограничительных мер, было лишено или существенно ограничено в реальной возможности реализовать свое право на доступ к правосудию в первоначально согласованном юрисдикционном органе (с.103 диссертации).

В ходе ознакомления с текстом работы нельзя не обратить внимание на образность и одновременно предельную точность языка диссертанта в передаче сущности описываемых явлений. Так, автор замечает, что фактически был введен процессуальный патронаж, в рамках которого суд из нейтрального посредника фактически превращается в активного защитника, патрона российских лиц, попавших под влияние мер ограничительного характера (с.103-104 диссертации).

Вполне понятна позиция диссертанта, что с точки зрения российского права деятельность арбитражей не может быть квалифицирована как правосудие, и вытекающее отсюда суждение, что использование в части 4 статьи 248.1 АПК РФ термина «доступ к правосудию» как в отношении обращения в государственные суды, так и в отношении арбитражей является терминологически некорректным и создает внутреннее логическое противоречие в правовой норме, которая фактически приравнивает частный механизм разрешения споров к публичной функции государства. Автором вполне правильно предложено для устранения данного противоречия дополнить часть 4 статьи 248.1 АПК РФ формулировкой «создающих такому лицу препятствия в доступе к правосудию или в доступе к арбитражному разбирательству» (с.125 диссертации).

Интересной представляется полемика автора с формирующейся практикой квалификации введения ограничительных мер как факта общеизвестного, не требующего доказывания (с.127 диссертации и другие). Итоговый вывод диссертанта о формировании двойственного режима доказывания в отношении введения ограничительных мер представляется достаточно взвешенным.

По обоснованному суждению диссертанта, природа антиискового запрета различается в зависимости от того, в какой юрисдикционной форме он применяется. Судебный антиисковой запрет, выносимый государственным судом в рамках публичной процессуальной юрисдикции, представляет собой самостоятельный процессуальный институт *sui generis* с доминирующей публично-правовой функцией. Антиисковой запрет, выносимый составом арбитража в рамках санкционированной частной процессуальной юрисдикции, по своей правовой природе является обеспечительной (предварительной) мерой, производной от арбитражного соглашения и применимых арбитражных регламентов. Согласимся с диссертантом в том, что подобный дуализм является закономерным следствием различий в правовой природе юрисдикции государственных судов и арбитражей (с.148-149 диссертации).

Соглашаясь с диссертантом, что формирование самостоятельного вида производства по делам о вынесении судебных антиисковых запретов является необходимым условием для унификации практики применения данного средства правовой защиты, следует поддержать и вывод, что в рамках данного производства суд разрешает не материально-правовой, а процессуальный спор о надлежащей юрисдикции (с. 80 диссертации).

Диссертантом сделано и немало других интересных научных выводов.

Структура диссертации логична и отвечает целям работы.

Работа проиллюстрирована примерами из отечественной и зарубежной судебной практики.

Автором изучено значительное число работ отечественных и зарубежных авторов.

В целом, содержание диссертации Мамедалиевой А.В. показывает, что автор провела серьезное, самостоятельное исследование актуальной и важной темы, сделав обоснованные выводы и предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Можно отметить следующие положительные моменты:

Выводы, сформулированные автором в качестве положений, выносимых на защиту, представляются отвечающими критериям научной новизны, достоверными, обоснованными и аргументированными как с теоретических, так и с практических позиций.

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации, отражая основные положения и выводы автора.

Публикации автора полно отражают основные положения диссертации.

Некоторые положения и выводы диссертанта нуждаются в дополнительном пояснении.

1. В качестве системной процессуальной лакуны автор указывает на отсутствие аналогичного механизма в ГПК РФ и на то, что в качестве субъектов ограничительных мер могут выступить и граждане-физические лица (с.103-104 диссертации).

Однако субъектами данного производства в арбитражном процессе могут выступить и граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, поскольку указанные дела отнесены к исключительной компетенции арбитражных судов, то есть к спорам, которые подсудны арбитражным судам независимо от того, кто является участником правоотношения, в том числе гражданин (пункт 7.1 части 6 статьи 27 АПК РФ). Пункт 1 части 2 статьи 248.1 АПК РФ прямо говорит о физических лицах, как о возможных участниках данного производства.

Если рассматриваемое производство есть исключительное средство защиты (к которому сам диссертант прилагает термин процессуальная революция), то законодатель и подчеркнул его исключительность сосредоточением подобных дел в компетенции арбитражного суда, чтобы не расплывать его и на суды общей юрисдикции. Кроме того, он исключил тем самым споры о компетенции внутри национальной системы судов по данной категории дел.

Таким образом, данное средство в гражданском процессе излишне.

2. В работе сделан вывод, что «антиисковой запрет же (как в его классическом прочтении, так и по смыслу статьи 248.2 АПК РФ) направлен не на сохранение имущества или доказательств, а на регламентацию процессуального поведения сторон в части выбора юрисдикции для рассмотрения и разрешения спора» (с.142 диссертации).

Действительно в качестве ближайшей цели антиисковый запрет воздействует на процессуальное поведение. Однако можно ли противопоставлять его другим обеспечительным мерам, направленным в том числе на сохранение имущества? Ведь запрет начала или продолжения судебного преследования лица в конечном итоге и оказывается направленным на недопущение возможного взыскания и изъятия имущества лица, а не только на запрет совершения процессуальных действий как таковых.

3. Крайне интересными и оригинальными представляются предлагаемые диссертантом механизмы реализации специального юрисдикционного иммунитета, активируемого в качестве санкции за игнорирование российского антиискового запрета, когда на первом этапе заявитель обращается в арбитражный суд, вынесший судебный запрет, с заявлением об установлении факта неисполнения судебного акта, которое подлежит рассмотрению в порядке особого производства, поскольку отсутствует спор о материальном праве, а предметом является подтверждение формальных обстоятельств, а именно наличие вступившего в силу и не отмененного судебного запрета, его надлежащее вручение нарушителю и доказательства продолжения процесса за рубежом. При удовлетворении заявления суд выносит определение, которым констатирует факт неисполнения вынесенного им судебного запрета и вносит нарушителя в специальный реестр лиц, утративших право на процессуальную защиту по конкретному правоотношению (с.177 диссертации).

Наряду с возражением о недостаточной кардинальности данной меры по сравнению с действующей судебной неустойкой, напрашиваются также возражения процессуального порядка.

Во-первых, особое производство объединяет дела с отсутствием спора о праве. Подобный спор о праве необязательно обнаруживается через заявленное требование, а может вытекать из самого предмета судебного рассмотрения. Установление юридического факта неисполнения решения суда означает неисполнение правового запрета, то есть неисполнение юридической обязанности. Подобный вопрос явно имеет спорный характер; от последствий его разрешения будет зависеть возникновение различных правовых последствий для лица. Неисполнение договора, неисполнение судебного акта, неисполнение любой юридической обязанности, по общему правилу, нельзя установить в порядке особого производства.

Ситуацию не меняет и то, что данный спор – это не спор о праве материальном, а спор процессуального характера и установление факта связывается с возникновением процессуально-правовых последствий.

Во-вторых, логично предположить, что лицо, в отношении которого предполагается установление такого факта, может быть заинтересовано в его опровержении посредством заявления спора. Однако в предлагаемой бесспорной процессуальной форме возможности для полноценного противостояния с заявителем ограничены.

В-третьих, на страницах работы диссертант доказал, что уровень спорности по делам особого производства и по делам о судебных запретах различный (с.147 диссертации и последующие), что не позволило относить рассматриваемую категорию дел к особому производству. Однако факт неисполнения судебного запрета предлагается устанавливать в порядке особого производства. Получается, что дело, рассмотренное в одном виде неискowego производства, продуцирует вопросы, подлежащие разрешению в другом виде производства – особом.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Мамедалиева Альбина Вугаровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процессуального и
предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»
Юдин Андрей Владимирович _____

«28» мая 2026 г.

Контактные данные:

Тел.: +7 (846) 337-99-38, e-mail: kgp@ssau.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

Адрес места работы:

443011, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, д.34

443011, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, д.1 корп.24,
к.211

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»
Тел.: +7 (846) 267-43-70, e-mail: ssau@ssau.ru